ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРЕСТУПНИКИ ВЪ ЯЛУТОРОВСКѢ И КУРГАНѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ВЪ НАЧАЛѢ 1840-хъ годовъ, лучшее общество маленькаго и невзрачнаго города Тобольской губерніи Ялуторовска составляли государственные и политическіе преступники,—но какъ тѣ, такъ и другіе, жили особнякомъ отъ мѣстныхъ чиновниковъ, показываясь только изрѣдка у мѣстнаго протоіерея Знаменскаго, человѣка почти святой жизни, у исправника Меньковича, славившагося въ тогдашнее время по всей губерніи своимъ безкорыстіемъ, у купцовъ И. Ф. Мамонтова, впослѣдствіи извѣстнаго Московскаго богача, а тогда управлявшаго мѣстнымъ откупомъ, у Н. Я. Балакшина, и у нѣкоторыхъ изъ молодыхъ учителей уѣзднаго училища. Вообще же въ то спокойное, и, относительно говоря, счастливое время какъ-то весело жилось въ Ялуторовскѣ. У насъ былъ свой хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ уѣзднаго училища и свой оркестръ музыки изъ ссыльныхъ поляковъ подъ управленіемъ скрипача Шевченко. Дѣвицъ и холостой молодежи также было довольно, не считая пріѣзжихъ на праздники, особенно на святки, разныхъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій изъ Омска и изъ Тобольска, а потому у насъ часто составлялись танцовальные вечера. Танцовали, большею частію, подъ звуки фортепьяно и скрипки, и танцовали, сказать правду, до упаду, не зная усталости. Въ карты никто изъ молодежи не игралъ. Нынѣ, увы! совсѣмъ не то. Ялуторовскъ превра-

тился въ пустыню: улицы поросли травою, лучшіе дома заколочены; просидишь цѣлый часъ подъ окномъ на большой улицѣ и не увидишь ни прохожаго, ни проѣзжаго. Такое запустѣніе произошло отъ выѣзда во внутреннія губерніи всемилостивѣйше прощенныхъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ, уничтоженія должностей городничаго, стряпчаго, управляющаго откупомъ, перемѣщенія земскихъ засѣдателей на жительство изъ города въ назначенные имъ участки, а самое главное—отъ усилившейся втрое и вчетверо дороговизны на всѣ житейскія потребности.

Изъ числа государственныхъ преступниковъ въ описываемое мною время жили въ Ялуторовскѣ: Андрей Васильевичъ и Александра Васильевна Ентальцевы, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ съ женою Марьею Константиновною и воспитанницами Августой и Анной Матвѣевнами, Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, Иванъ Ивановичъ Пущинъ, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій и Василій Карловичъ Тизенгаузенъ.

А. В. Ентальцевъ былъ больной человѣкъ, но, когда здоровье ему позволяло, усердно занимался медициною, не отказывая въ безкорыстной помощи своей никому, какъ изъ богатыхъ, такъ и изъ бѣдныхъ жителей города. Для послѣднихъ онъ даже и лѣкарства пріобрѣталъ на собственный счетъ. Жена его, добровольно прибывшая за нимъ въ Сибирь, была очень образованная женщина, хотя и отличалась мужскими пріемами и даже голосомъ. Андрей Васильевичъ умеръ въ Ялуторовскѣ, если не ошибаюсь, въ 1841 году, супруга же его впослѣдствіи возвратилась въ Россію и, какъ носились слухи, вышла тамъ замужъ за И. И. Пущина.

И. Д. Якушкинъ всецѣло посвятилъ себя математическимъ и естественнымъ наукамъ; въ свободное же отъ этихъ занятій время занимался въ устроенной имъ при Соборной церкви ланкастерской школѣ. Въ 1842 году, онъ устроилъ на дворѣ своей маленькой квартиры вѣтромѣръ, состоявшій изъ утвержденнаго на высокомъ шестѣ горизонтальнаго колеса, открытаго для вѣтровъ со всѣхъ сторонъ; къ оси этого колеса былъ придѣланъ механизмъ, приводившій въ движеніе стрѣлку, которая, вращаясь на циферблатѣ, подобномъ часовому, показывала сумму вѣтра въ данное время.

Съ этимъ-то вѣтромѣромъ, вскорѣ по устройствѣ его, случилась забавная исторія. Почти въ теченіе всего лѣта не было дождей ни въ Ялуторовскѣ, ни въ окрестностяхъ его, между тѣмъ какъ въ дальнихъ селеніяхъ были проливные дожди. Нерѣдко собирались надъ городомъ тучи, но, разносимыя вѣтрами, быстро разлетались въ разныя стороны, не оросивъ ни одной каплей засохшихъ и пожелтѣвшихъ полей. Травы горѣли, хлѣба сохли на корню и жители города, придя въ отчаяніе отъ угрожавшей имъ бѣды, начали уже служить молебны о ниспосланіи дождя. Но не помогали и молебны, дождя все-таки не было. Въ столь печальныхъ обстоятельствахъ

между мѣщанами города распространился слухъ, что Якушкинъ занимается черной магіей, устроилъ у себя машину, которая съ помощью нечистой силы съ визгомъ и скрипомъ разгоняетъ собирающіяся надъ городомъ тучи; что фармазонъ Якушкинъ давно уже продалъ свою душу дьяволу, а нынѣ уже кровью обязался ему же закабалить и всѣ христіанскія души въ городѣ. Составился заговоръ противу такого бѣсовскаго навожденія и вотъ въ одну темную ночь, когда Морфей смежилъ очи благополучныхъ Ялуторовцевъ, нѣсколько мѣщанъ съ топорами и заступами въ рукахъ забрались на дворъ къ Якушкину, срубили шестъ, разломали на мелкія части механизмъ вѣтромѣра и выкопавъ за городомъ около еврейскаго кладбища яму, увезли туда сатанинскую силу и засыпали ее землею.

Слѣпому случаю удалось доставить невѣждамъ торжество: на третій же день, какъ нарочно, пошелъ дождь, оросилъ поля и огороды и оживилъ духъ народный. Истребители нечистой силы торжествовали свой подвигъ и впослѣдствіи, подъ веселую руку, сами разсказали тайну его.

Этотъ случай г. Максимовъ въ статьѣ своей «Государственные преступники», помѣщенной въ октябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1869 года, описалъ нѣсколько иначе, а объ устройствѣ самаго вѣтромѣра и вовсе не упомянулъ. Вообще многое написано имъ по слухамъ и невѣрно; такъ невѣрно обозначены мѣста смерти В. К. Кюхельбекера и А. В. Ентальцева.

И. И. Пущинъ и князь Е. П. Оболенскій, будучи старыми холостяками, жили сначала вмѣстѣ, занимая весьма просторный домъ купца Бронникова; но впослѣдствіи они разошлись и вотъ по какому случаю: у Пущина была хорошенькая горничная или экономка, что-то въ этомъ родѣ; Оболенскій, при всей своей религіозности и строгой жизни, не устоялъ противъ искушенія голубыхъ ея глазъ, сблизился съ нею и послѣдствіемъ этого сближенія была, конечно, беременность дѣвушки. Желая передъ Богомъ и передъ людьми искупить тяжкій грѣхъ свой, Евгеній Петровичъ рѣшился жениться на Варѣ. Иванъ Ивановичъ дружески уступилъ ему ее, и свадьба состоялась на новой квартирѣ Оболенскихъ въ домѣ купцевъ Ильиныхъ. Въ виду такого «mesallians'a» молодая Оболенская сначала не была принята въ кругу декабристовъ, но впослѣдствіи Муравьевы, изъ уваженія къ старому товарищу, приласкали ее.

Семидесятилѣтній старецъ Василій Карловичъ Тизенгаузенъ жилъ въ собственномъ домѣ на концѣ города, близъ кладбища. Первый его домъ, построенный на этомъ мѣстѣ, будучи подожженъ какими-то негодяями, сгорѣлъ до тла; это обстоятельство не помѣшало ему выстроить другой, гораздо въ большихъ размѣрахъ, но вскорѣ отъ неизвѣстной причины сгорѣлъ и этотъ, и вотъ Василій

Карловичъ, ничто же сумняшеся,—выстроилъ третій, въ которомъ и жилъ въ описываемое время. Жилъ онъ одинъ одинехонекъ, хотя помѣщенія у него достало бы и для нѣсколькихъ семействъ. Стола своего онъ не имѣлъ, а обѣдалъ по очередно у товарищей. Василій Карловичъ былъ желѣзной натуры старикъ. По собственнымъ его словамъ, онъ, проживъ до 70 лѣтъ, ни разу не хворалъ серьезно, и находясь въ Ялуторовкѣ еще такъ обдѣлывалъ свои секретныя дѣлишки, что ему позавидовалъ бы иной и 30-тилѣтній молодой человѣкъ. Въ прочихъ же отношеніяхъ это былъ человѣкъ честнѣйшихъ правилъ; холодное благоразуміе его доказали нѣсколько случаевъ, бывшихъ съ нимъ еще въ Читѣ. Въ особенности одинъ изъ нихъ, лично мнѣ имъ разсказанный, остался у меня въ памяти. Дѣло было такого рода: товарищи его, однажды выведенные изъ терпѣнія разными притязаніями грубыхъ и невѣжественныхъ тюремщиковъ [1]), вздумали было наотрѣзъ отказаться отъ заводскихъ работъ. Дѣло подобнаго рода походило на возмущеніе и Василій Карловичъ, предвидя печальныя послѣдствія его, началъ убѣждать товарищей бросить принятое ими намѣреніе. Но голосъ благоразумія оказался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ: положено было окончательно—не смотря ни на какія угрозы—не выходить изъ острога на слѣдующій день на работы. Тогда Василій Карловичъ, подойдя къ кружку наиболѣе вліятельныхъ изъ товарищей, сказалъ съ свойственнымъ ему нѣмецкимъ хладнокровіемъ: «хорошо, господа, когда такъ, то и я съ вами; только прежде чѣмъ насъ поведутъ сѣчь, я первый размозжу себѣ голову».

Находясь еще въ каторжной работѣ и слѣдовательно не будучи еще изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, товарищи, внявъ голосу холоднаго благоразумія, поговоривъ еще нѣсколько между собою, успокоились и вскорѣ затѣмъ оставили свое намѣреніе.

Василій Карловичъ былъ оригиналъ въ своемъ родѣ: онъ, по собственнымъ словамъ его, не вѣрилъ ни одному медику и потому никогда не лѣчился аптекарскими лѣкарствами. Отъ всѣхъ простудныхъ и желудочныхъ болѣзней у него былъ одинъ рецептъ—діэта. Пробывъ два-три дня безъ пищи, онъ приходилъ въ прежнее нормальное состояніе. Однажды я спросилъ его: неужели онъ и вередъ, или такъ называемый чирей, лѣчитъ діэтой?

— Непремѣнно! отвѣчалъ онъ. Вередъ происходитъ отъ испорченной крови; надобно исправить ее и для этого необходима діэта.

Не знаю, носилъ ли Василій Карловичъ въ молодости своей шубу, калоши и перчатки; но находясь въ Сибири, онъ никогда не имѣлъ ихъ. Обыкновенный костюмъ его и праздничный, и буд-

---

[1]) О комендантѣ же Лепарскомъ всѣ проживавшіе въ городахъ Ялуторовскѣ и Курганѣ декабристы, вопреки отзыву товарища своего Бѣляева, отзывались всегда съ особымъ уваженіемъ.

ничный, составляли: длиннополый, съ длинными, ниже пальцевъ, рукавами, коричневаго сукна сюртукъ, такого же цвѣта брюки, осьмиугольная съ огромнымъ верхомъ шапка и въ ненастную погоду или зимнее время обыкновенная лѣтняя шинель.

По полученіи всемилостивѣйшаго прощенія, Василій Карловичъ, находясь уже въ глубокой старости, выѣхалъ въ 1855 году на родину, гдѣ и скончался.

У Муравьевыхъ, жившихъ въ собственномъ домѣ, собирался свой кружокъ часто, а по воскресеньямъ даже обязательно. Тутъ обѣдали и оставались на весь вечеръ, занимаясь картами, чтеніемъ и музыкою. Танцевъ у нихъ не бывало, такъ какъ воспитанницы ихъ Густинька и Аннушка бѣгали еще въ кальсончикахъ, хотя уже и начали ученіе подъ руководствомъ самаго Матвѣя Ивановича и при пособіи Ивана Дмитріевича Якушкина. Очень рѣдко заходилъ здѣсь разговоръ о событіяхъ 14-го декабря, но и касаясь ихъ, всѣ декабристы были очень осторожны въ своихъ разсказахъ и сужденіяхъ, хотя, быть можетъ, осторожность эта соблюдалась только при насъ, молодыхъ людяхъ. Теперь, когда этому времени минуло уже болѣе сорока лѣтъ и изъ всѣхъ, жившихъ въ Ялуторовскѣ декабристовъ никого уже не осталось въ живыхъ, я, положа руку на сердце, положительно могу сказать, что отъ этихъ почтенныхъ людей мы не слыхали ничего такого, что клонилось бы къ осужденію современнаго правительства, и они держали себя вполнѣ безукоризненно, дѣлая окружающему ихъ обществу добро, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ оно, питавшее къ нимъ болѣе чѣмъ холодность, заслуживало. Благонамѣренность же и честныя, гуманныя стремленія свои они доказали всего болѣе основаніемъ въ Ялуторовскѣ на свой счетъ двухъ учебныхъ заведеній: первоначально ланкастерской приходской школы и впослѣдствіи—женскаго училища для дѣтей бѣднѣйшихъ обывателей города. Въ обѣихъ этихъ училищахъ, съ самаго основанія ихъ, число учащихся всѣхъ сословій начало такъ быстро возростать, что по тѣснотѣ помѣщенія приходилось уже отказывать просителямъ, имѣвшимъ болѣе, сравнительно съ другими, средствъ къ обученію дѣтей дома или въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Ко всѣмъ этимъ лицамъ, по пріѣздѣ моемъ въ Ялуторовскъ, въ 1839 году, на должность учителя русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ, я долгомъ поставилъ себѣ представиться и, встрѣтивъ съ ихъ стороны обязательное вниманіе, бывалъ у нихъ не рѣдко. У Муравьева же, окончившаго свое образованіе въ Парижѣ, я бралъ уроки французскаго языка. Кончивъ курсъ въ тобольской гимназіи, я могъ только порядочно читать и писать пофранцузски; по истеченіи же года моихъ занятій съ почтеннымъ Матвѣемъ Ивановичемъ, я свободно читалъ уже на этомъ языкѣ легкіе романы и первыми, прочитанными мною безъ лексикона книгами, какъ

припоминаю, были «Les fiancés», Манцони и «Iwanchoe», Вальтеръ-Скотта. Подъ руководствомъ его же составлено было мною, въ 1845 году, первое историко-статистическое описаніе Ялуторовскаго округа.

Изъ воспитанницъ Муравьевыхъ, Августа Матвѣевна Созоновичъ и по сіе время здравствуетъ, оставшись наслѣдницею огромнаго состоянія Матвѣя Ивановича, не имѣвшаго дѣтей, а Анна Матвѣевна умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ. Умерла также и супруга Матвѣя Ивановича, Марья Константиновна,—всѣ они скончались въ Россіи. Въ минувшемъ 1886 году кончилъ долголѣтнюю жизнь свою и Матвѣй Ивановичъ. У меня сохранились двѣ фотографическія карточки его, одна, присланная изъ Москвы при собственноручномъ его письмѣ отъ 13-го февраля 1872 года, и другая, посланная предъ самою смертью его, когда уже онъ совсѣмъ лишился зрѣнія, воспитанницею его Августою Матвѣевною. Обѣ эти карточки, напоминающія мнѣ почтеннаго, глубоко уважаемаго мною старца и мою собственную юность, я храню, какъ драгоцѣнность.

Изъ политическихъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь по дѣлу Конарскаго, находились въ Ялуторовскѣ поляки: Готардъ Михайловичъ Собаньскій, извѣстный богачъ на Волыни, и бывшіе студенты Виленскаго университета: Романъ Петровичъ Циховскій и Карлъ Станиславовичъ Чернявскій, оба молодые еще люди отъ 18 до 20 лѣтъ. Въ Ялуторовскѣ эти юноши жили не долго и по ходатайству родственниковъ, вскорѣ по прибытіи въ Сибирь, возвращены были на родину.

Г. М. Собаньскій былъ, какъ выше сказано, однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ своемъ краѣ. Объѣхавъ въ молодости почти всю Европу, онъ, наконецъ, bon gré, mal gré, очутился въ Сибири. Здѣсь грустныя обстоятельства жизни сломили его крѣпкую натуру; онъ помѣшался на мысли, что бывшій тогда шефомъ корпуса жандармовъ графъ Бенкендорфъ искалъ будто бы случая отравить его черезъ своихъ агентовъ. Вслѣдствіе этого убѣжденія, находясь гдѣ-либо въ гостяхъ и принимая подносимые ему чай, кофе или шампанское, онъ обыкновенно мѣнялся взятымъ имъ стаканомъ съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, подозрѣвая въ подаваемомъ имъ питьѣ отраву. Предчувствіе его отчасти оправдалось: онъ дѣйствительно умеръ насильственною смертью, хотя и не такою, какой ожидалъ. Дѣло было такъ. Въ одинъ изъ майскихъ вэчеровъ 1841 года, нѣсколько человѣкъ собралось у И. Ф. Мамонтова; въ числѣ этихъ гостей былъ и я, тогда еще 18-тилѣтній юноша, съ Собаньскимъ. Составилась карточная игра, но какъ оба мы не играли въ карты, то и отправились въ кабинетъ хозяина, гдѣ обыкновенно лежали на столѣ полученныя съ послѣдней почтой газеты и журналы. Просмотрѣвъ ихъ и выкуривъ нѣсколько трубокъ табаку, мы съ Собаньскимъ усѣлись на диванѣ, но раз-

говоръ у насъ какъ-то не клеился: компаньонъ мой былъ противъ обыкновенія грустенъ; черезъ часъ онъ, взявшись за шляпу, спросилъ меня, останусь ли я тутъ, или пойду вмѣстѣ съ нимъ домой. Я согласился на послѣднее и мы, тихонько, не простясь съ хозяиномъ, вышли въ переднюю.

— Грустно мнѣ что-то сегодня, — сказалъ, выходя на крыльцо Собанскій,—приду и лягу спать.

Пройдя вмѣстѣ до перваго переулка, мы разстались; онъ повернулъ направо къ собственному дому, а я налѣво, на свою квартиру.

На слѣдующее утро, часу въ 9-мъ, собираясь въ училище и взглянувъ случайно въ окно своей квартиры, я съ изумленіемъ увидѣлъ бѣгущій по улицѣ народъ; вскорѣ пролетѣлъ куда-то городничій съ казаками, а за нимъ и стряпчій. Спрашиваю у бѣгущихъ, что случилось, и мнѣ въ отвѣтъ кричатъ нѣсколько голосовъ, что ночью Собаньскаго зарѣзали. Меня, какъ громомъ пришибло; вчерашняя тоска его, оказавшаяся предчувствіемъ, пришла мнѣ на память. Я одѣлся наскоро и поспѣшилъ на мѣсто происшествія.

Съ трудомъ пробравшись сквозь густыя толпы народа, окружавшаго домъ несчастнаго Собаньскаго, я, при помощи одного изъ полицейскихъ служителей, успѣлъ кой-какъ пробраться въ комнаты и здѣсь въ кабинетѣ хозяина представилась мнѣ ужасная картина: бездыханный трупъ Собаньскаго лежалъ на кровати съ перерѣзаннымъ горломъ, голова держалась, спустясь внизъ, на одной становой жилѣ, лицо было въ пуху [1]), а на полу, недалеко отъ кровати, лежала какая-то медицинская залитая кровью книга, которую, вѣроятно, читалъ покойный въ послѣднія минуты жизни своей. Въ прочихъ комнатахъ всѣ вещи оказались разбросанными въ безпорядкѣ; тамъ же валялись и разбитыя бутыли съ разными наливками.

Въ столь важныхъ обстоятельствахъ мѣстная полиція тотчасъ же приступила къ розыскамъ, а въ Тобольскъ была послана эстафета съ донесеніемъ губернатору о случившемся происшествіи. Вскорѣ прибылъ въ Ялуторовскъ и самъ начальникъ губерніи М. В. Лодыженскій съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ Огаревымъ и началось строгое слѣдствіе, строгое тѣмъ болѣе, что покойный, принадлежа къ знатной фамиліи, состоялъ въ категоріи политическихъ преступниковъ. Черезъ двѣ недѣли, при помощи всевозможныхъ

---

[1]) Злодѣи, зная Собаньскаго за человѣка богатаго, полагали, что онъ держалъ у себя деньги спрятанными въ подушкахъ, почему разорвавъ ихъ и не найдя тамъ ничего, съ досады побросали пухъ въ лицо покойнаго. Впослѣдствіи деньги, всѣ съ чѣмъ-то 300 руб. сер., оказались спрятанными въ роялѣ, купленномъ для себя проживавшимъ въ гор. Тобольскѣ извѣстнымъ пьянистомъ графомъ Моркотскимъ, который и предъявилъ ихъ своевременно начальству. Онъ же впослѣдствіи, по просьбѣ матери Собаньскаго, поставилъ и богатый мраморный памятникъ на могилѣ его, существующій и по нынѣ.

въ то время устращиваній и даже пытокъ, открыты были виновные, именно поваръ и кучеръ покойнаго, имъ при жизни своей облагодѣтельствованные. Они въ отсутствіи Собаньскаго, выставивъ обращенное въ садъ окно, забрались въ его кабинетъ съ топорами и спрятались одинъ подъ кроватью, а другой за печью и когда заснулъ несчастный,—совершили убійство. По суду оба были наказаны кнутомъ и сосланы въ каторжныя работы.

Долго событіе это жило въ памяти ялуторовцевъ, долго страхъ подобной насильственной смерти пугалъ ихъ робкое воображеніе, но, наконецъ, какъ на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, всепоглощающее время унесло въ вѣчность какъ память объ этомъ событіи, такъ и большую часть современниковъ его.

Говоря о государственныхъ преступникахъ и политическомъ Собаньскомъ, нельзя умолчать о томъ, что, не смотря на принятыя въ отношеніи ихъ строгости со стороны петербургскаго правительства, ихъ посѣщали многія, проѣзжавшія черезъ Ялуторовскъ, высокопоставленныя лица, какъ напримѣръ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ, ревизовавшій этотъ край сенаторъ графъ Толстой, и почти всѣ Тобольскіе губернаторы; только генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ, въ проѣзды свои черезъ Ялуторовскъ, принималъ ихъ у себя на квартирѣ.

Въ 1846 году, оставивъ службу по учебному вѣдомству, я опредѣленъ былъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири кн. Горчаковымъ на должность засѣдателя въ Курганскій окружный судъ, гдѣ и познакомился съ остававшимися еще въ Сибири тремя декабристами: Александромъ Ѳедоровичемъ фонъ-деръ-Бриггеномъ, Дмитріемъ Александровичемъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ, и Флегонтомъ Мироновичемъ Башмаковымъ. Прочіе же товарищи ихъ, жившіе вмѣстѣ съ ними въ Курганѣ, какъ-то: баронъ Розенъ, Нарышкинъ, Лореръ, Назимовъ, Фогтъ, Повало-Швейковскій и Лихаревъ, были уже возвращены во внутреннія губерніи Россіи и на Кавказъ. А. Ф. фонъ-деръ-Бриггеръ, крестникъ Державина и другъ Жуковскаго, занимался въ это время переводомъ на русскій языкъ Юлія Цезаря и переводы свои посылалъ въ Петербургъ на имя Василія Андреевича. Состоя въ морганатическомъ бракѣ съ дѣвушкою простого происхожденія, онъ прижилъ съ ней двухъ дочерей, которыхъ и выдалъ замужъ въ Курганѣ. А. Ф. жилъ въ собственномъ домѣ и будучи еще свѣжимъ и стройнымъ мужчиною, далеко не казался старикомъ. Познакомившись со мною ближе, онъ былъ воспріемникомъ перваго моего ребенка, дочери, и впослѣдствіи, въ 1849 году, по взаимному между нами соглашенію, онъ поѣхалъ въ гор. Омскъ, просить генералъ-губернатора кн. Горчакова объ опредѣленіи его на мое мѣсто. Просьба эта была уважена: онъ получилъ просимое, а я переведенъ былъ на службу въ гор. Омскъ и болѣе мнѣ съ нимъ уже не суждено было видѣться.

Кн. Д. А. Щепинъ-Ростовскій жилъ старымъ холостякомъ. Вслѣдствіе апоплексическаго удара, одна сторона усовъ его посѣдѣла совершенно, тогда какъ другая оставалась еще темно-русою. Не смотря на свои лѣта и положеніе, онъ усердно ухаживалъ еще за мѣстными барышнями, особенно же за одною, вышедшею впослѣдствіи замужъ за военнаго доктора. Впрочемъ, страсть его имѣла характеръ платоническій и онъ нисколько не обижался, не встрѣчая отъ обожаемыхъ имъ предметовъ взаимности.

По полученіи всемилостивѣйшаго прощенія, онъ выѣхалъ изъ Кургана, но куда именно, не знаю, такъ какъ въ то время я жилъ уже въ Омскѣ. Ф. М. Башмаковъ, какъ извѣстно, случайно сдѣлавшійся декабристомъ, живя въ Курганѣ, при скудномъ, получаемомъ имъ отъ казны, содержаніи, существовалъ почти исключительно пособіемъ своихъ товарищей. Курганскіе же чиновники крѣпко не долюбливали его за его острый языкъ, возвѣщавшій во всеуслышаніе разныя ихъ продѣлки. Впослѣдствіи онъ перепросился на жительство въ гор. Тобольскъ, гдѣ и умеръ въ глубокой старости, имѣя, если не ошибаюсь, отъ роду около 90 лѣтъ. Вообще, декабристы, проживавшіе въ Тобольской губерніи, много дѣлали добра мѣстному населенію. Не говоря уже объ устройствѣ школъ для бѣдныхъ дѣтей обоего пола, безплатной подачѣ медицинской помощи нуждавшимся, — одни изъ нихъ брали къ себѣ дѣтей на воспитаніе, устроивая и будущность ихъ, другіе давали уроки по разнымъ наукамъ и, наконецъ, многіе помогали словомъ и дѣломъ ближайшимъ подгороднымъ жителямъ въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ.

Изъ политическихъ преступниковъ, поляковъ, жили въ мое время въ Курганѣ трое, но я помню только одного изъ нихъ, Свирщевскаго. Это былъ маленькій, худенькій, сѣдой старичекъ, замѣчательный во-первыхъ любовью своей къ преферансу, а во-вторыхъ тѣмъ, что онъ, проживъ половину своей жизни съ русскими, попольски говорить разучился, а порусски не научился. Такъ, играя однажды въ карты у Повало-Швейковскаго и проигравъ хорошую игру, онъ въ гнѣвѣ выскочилъ изъ-за стола и, схвативъ себя за голову, съ отчаяніемъ вскричалъ:

— «Тузъ, круль, ва̀летъ, десентёрка—и игру проигралэмъ!»

Можно представить, какой хохотъ послѣдовалъ за этою выходкой почтеннаго старичка.

Много, много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло; многихъ изъ описанныхъ мною лицъ поглотили бурныя волны моря житейскаго, оставивъ о нихъ одни только воспоминанія, и невольно приходятъ на память слова Жуковскаго:

«Мертвый въ гробѣ мирно спи,
«Жизнью пользуйся живущій!»

К. Голодниковъ.